

ИСТОРИЯ НАУКИ

ПОЛЕВАЯ РАБОТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

Д.А. Москвина

Дарья Алексеевна Москвина | <https://orcid.org/0000-0003-3856-1009> | dmoskvina@hse.ru | аспирант департамента истории | Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” в Санкт-Петербурге (ул. Союза Печатников 16, Санкт-Петербург, 190121, Россия)

Ключевые слова

советская этнография, полевая работа, история антропологии, бюрократия, советская наука

Аннотация

В данной статье я рассматриваю то, как советские этнографы реагировали на сочетание недоступности проведения полевой работы и необходимости соответствовать плановым и отчетным ожиданиям Института этнографии АН СССР. Это сочетание полевой недоступности и плановой необходимости будет рассмотрено на примере обсуждения работы этнографов-зарубежников над этнографическими текстами и, в частности, томами серии “Народы мира” в период семилетнего плана (1959–1965 гг.). Я предлагаю посмотреть на полевую работу с точки зрения институтской бюрократии, что позволяет переосмыслить “нехватку” поля и различить ее оттенки: отсутствие полевой работы как непосредственного выезда не означает ее отсутствие как дискурса в институте. Я перемещаю исследовательское внимание с архива полевых материалов и дневников на архив управленческой документации этнографического учреждения и, в частности, на стенограммы заседаний Ученого совета Института этнографии АН СССР. В этих заседаниях я обращаю внимание на то, как обсуждение плановых и отчетных обязательств выступает поводом для дискуссии о значении полевой работы для этнографов и о представлении о том, как следует писать этнографические тексты. Я делаю вывод о том, что архивы управленческой документации необходимо анализировать наравне с документами архива полевых материалов исследователей и экспедиций при написании истории полевой работы.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-18-00241]

В интервью 1996 г. А.А. Никишенков охарактеризовал полевую работу так: “К сожалению, умерла традиция, в свое время заложенная в Питере Львом Штернбергом, когда североведы отправлялись в поле на целые годы. Это было в 1920-е годы (может быть, в начале 1930-х). А потом в этнографии наступи-

Статья поступила 24.04.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 02.09.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Москвина Д.А. Полевая работа с точки зрения управленческой документации Института этнографии АН СССР // Этнографическое обозрение. 2025. № 1. С. 135–159. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010077> EDN: URNEEY

Moskvina, D.A. 2025. Polevaia rabota s tochki zreniia upravlencheskoi dokumentatsii Instituta etnografii AN SSSR [Fieldwork from the Perspective of Administrative Documentation of the Institute of Ethnography, Academy of Sciences of the USSR]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 135–159. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010077> EDN: URNEEY

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

ли не очень хорошие времена”. Он описывал кризисную, на его взгляд, ситуацию, в которой преподаватели кафедр этнографии сами не осуществляют длительные полевые выезды, а студенческая практика ограничивается “экскурсионной работой”. Далее А.А. Никишенков уточняет, что под серьезным занятием “полем” он имеет в виду “Malinowskian или Boasian стиль полевой работы”, которого в отечественной антропологии “как такового не было”. В этом фрагменте читается конкретное представление о типе полевой работы, который, по заключению А.А. Никишенкова, отсутствовал в годы его студенчества (1970-е) и позднее, что является, на его взгляд, необходимой чертой “хороших времен”: опыт длительного полевого исследования (см.: *Елфимов и др.* 1996: 12).

Полевая работа нередко становилась предметом обсуждения в советское время. Дискуссия о полевой работе явилась важным событием в ходе совещания этнографов Москвы и Ленинграда в апреле 1929 г. и была построена вокруг докладов В.Г. Богораза “Стационарный метод в полевой этнографии” и Б.А. Куфтина “Задачи и методы полевой этнографии”. В своих докладах ученые отстаивали два подхода к полевой работе: стационарный (В.Г. Богораз) и экспедиционный (Б.А. Куфтин) (подробнее см.: *Алымов, Арзютов* 2014: 58–63). В 1950-е годы обсуждение вопросов методики работы в поле активизировалось в связи с изучением колхозного крестьянства: так, П.А. Кушнер писал о необходимости проведения в колхозах более длительного времени, отмечая, что “для советского исследователя стационарный способ изучения народного быта является всегда доступным” (*Кушнер* 1952: 138). В 1985–1986 гг. на страницах журнала “Советская этнография” подобно обсуждались вопросы изучения современности и традиционной культуры, в частности способы сбора материалов (опрос, “включенное” и “невключенное” наблюдение) и сроки полевых работ, в том числе возможности сочетания стационарного и маршрутного типов работы (*Шмелева* 1985: 51). Предметом дискуссии становилась именно методика и методология полевых исследований, а не вопрос о необходимости и целесообразности их проведения в принципе. Вместе с тем для целого ряда этнографов, специализирующихся на изучении зарубежных стран, в советское время стоял вопрос не столько о методике и методологии полевых исследований, сколько о доступности экспедиций и командировок в регион специализации.

Что и как можно узнать о поездках, которые в советское время по разным причинам не могли быть осуществлены, и о дискуссиях вокруг них? В данной статье я рассмотрю то, как советские этнографы реагировали на сочетание недоступности проведения полевой работы¹ и необходимости соответствовать плановым и отчетным ожиданиям Института этнографии АН СССР (далее — ИЭ). Это сочетание полевой недоступности и плановой необходимости будет рассмотрено на примере обсуждения работы этнографов-зарубежников² над этнографическими текстами и, в частности, томами серии “Народы мира” в период семилетнего плана (1959–1965 гг.). Обращение к фактическому “отсутствию” зарубежных поездок становится возможным через их альтернативное “присутствие”: видимое при обращении не к полемому архиву исследователя или экспедиции, а к управленческой документации этнографического учреждения. Эти документы позволяют рассмотреть полевую работу в широком контексте планирования научной работы в СССР и обратиться к документальному “присутствию” даже тех поездок, которые не осуществлялись фактически.

В статье я обращаюсь к одному из видов управленческой документации — стенограммам заседаний Ученого совета ИЭ. В советское время на этих заседаниях

заслушивались научные доклады, проходило обсуждение и утверждение к печати рукописей сотрудников, заслушивались сообщения участников научных мероприятий в СССР и за рубежом, годовые отчеты о научно-исследовательской работе ИЭ, обсуждались и утверждались планы научно-исследовательских работ. Важной чертой стенограмм как источника для историков советской науки является не только отражение содержания самих докладов в соответствии с повесткой заседания, но и подробная фиксация реплик присутствующих (вопросы к докладчикам, выступления в прениях). Этот источник уже отмечался исследователями в связи с рассмотрением более раннего периода истории советской этнографии: "...протоколирование конституировало саму процедуру совещаний, их академическую важность и ответственность суждений" (Альмов, Арзютов 2014: 24). Заседания Ученого совета ИЭ отличала открытость для дискуссии большому количеству сотрудников (в отличие от, например, заседаний дирекции или заседаний партийного бюро). Решения Ученого совета московской части ИЭ могли становиться повесткой заседаний Ученого совета ленинградской части ИЭ; некоторые тексты стенограмм пересылались из московской в ленинградскую часть ИЭ (и наоборот), выступая инструментом координации управления институтом. Тематически близким источником для изучения полевой работы являются материалы проводившихся регулярно заседаний сессии по итогам экспедиционных работ ИЭ, которые также отличала публичность и регулярность. Эти сессии представляют интерес для анализа существовавших концепций полевой работы и способов использования полевых материалов. Однако их задачей не являлось обсуждение текущих административных и научно-организационных вопросов ИЭ и, в частности, вопросов планирования и отчетности.

Сочетание тематики (административные, научно-организационные вопросы), публичности (кроме сотрудников ИЭ, участниками заседаний могли быть, например, приглашенные представители Бюро отделения исторических наук, сотрудники близких по тематике институтов) и типа документирования (стенографирование докладов и дискуссии) на заседаниях Ученого совета объясняет выбор этого источника для анализа планирования научной работы этнографов и их отношения к издержкам этого планирования. Стенограммы, к которым я обращаюсь далее, соответствуют разным этапам институционального цикла (обсуждение отчета, утверждение перспективного плана) и представляют Ученые советы двух частей ИЭ — московской и ленинградской. В этих материалах я обращаю внимание на то, как обсуждение плановых и отчетных обязательств выступает на заседаниях поводом для дискуссии о значении полевой работы для этнографов и о представлении о том, как следует писать этнографические тексты. Частью этих обсуждений также являются обращения к отсутствующим на самом заседании, но присутствующим дискурсивно "высшим инстанциям", которые часто выступают адресатами обоснований необходимости зарубежных поездок. Не оценивая в данной статье перформативную эффективность этих обращений (Austin 1962), я рассматриваю их как часть бюрократической риторики управленческой документации (и стенограмм Ученого совета в частности), обладающую своими констативными (описательными) функциями. Мой тезис заключается в том, что представленные в настоящей статье стенограммы заседаний Ученого совета и другие управленческие документы ИЭ необходимо анализировать наравне с документами "полевого архива" при написании истории полевой работы.

Изучение полевой работы в советской этнографии

В рамках (само)рефлексии о советской этнографии исследователи нередко обращали внимание на особенности организации и проведения полевых исследований: их кратковременность в сравнении с другими традициями, их характер (напр., комплексные экспедиции и коллективный характер выездов) и особенности подготовки к полевой работе студентов (*Dragadze* 1987; *Пименов* 1988; *Тишков* 1992; *Bondarenko, Korotaev* 2003; *Elfimov* 2010). В последние годы стали появляться публикации, целью которых становился рассказ о советской и постсоветской экспедиционной повседневности, подробное описание которой до сих пор не всегда становилось частью научных трудов ученых (*Власова* 2014; *Аржанцева, Бутовская* 2015; *Пивнева* 2017). В этой связи можно также отметить тенденцию к публикации полевых дневников, материалов и их фрагментов (*Соколова* 2016; *Михайлова* 2015). Осмысление опыта полевой работы стало одной из тем в рамках направления “антропология академической жизни”, получившего развитие в России благодаря Г.А. Комаровой как секция на Конгрессе антропологов и этнологов России, впоследствии ставшая серией публикаций (*Комарова* 2008, 2010, 2013). Значимым вкладом в осмысление полевого опыта советского и постсоветского времени и формулировку предложений по его концептуальному анализу стали работы Т.Б. Щепанской (*Щепанская* 2003, 2006, 2008, 2010).

В написании исторических работ о полевой работе в отечественной этнографии исследователи обращали особое внимание на судьбы В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона и Л.Я. Штернберга, приобретших опыт длительного поля в политической ссылке, и влияние на них последующих контактов с зарубежными учеными, в частности с Ф. Боасом (см., напр.: *Вахтин* 2005; *Ssorin-Chaikov* 2008; *Сирина* 2021). Можно также выделить следующие направления исторического анализа полевой работы: изучение отдельных экспедиций и полевых проектов (*Батьянова* 2013; *Алымов* 2013а, 2013б; *Кузнецов* 2018), изучение способов фиксации и публикации результатов экспедиций и их полевых архивов (*Ссорин-Чайков* 2011; *Туторский* 2010; *Соколова* 2017). Д.В. Арзютов и С.А. Кан рассмотрели генеалогию и бытование концепции полевой работы в отечественной этнографии, обратившись к анализу трех взаимосвязанных аспектов: полевой проект Ф. Боаса, его восприятие В.Г. Богоразом и Л.Я. Штернбергом и отражение опыта последних на полевой работе своих учеников (*Арзютов, Кан* 2013: 46). Авторы предложили общую схему анализа концепции полевой работы, которая “распада[ется] на две части, как объект полевого исследования, из которого в дальнейшем складывается текст — своеобразное его отражение, и как представление о том, что такое поле” (Там же). Отталкиваясь от предложения авторов анализировать представления этнографов о том, что такое поле, я предлагаю расширить репертуар архивных документов, подходящих для этого: обращение к архиву управленческой документации дает возможность учесть несостоявшиеся, но планируемые полевые выезды и ожидания относительно них при написании истории полевой работы.

Хотя в фокусе Д.В. Арзютова и С.А. Кана — именно ранняя история отечественной этнографии, они отмечают, что интересным также является позднесоветский опыт, т.е. поколение “учеников учеников” В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга (*Арзютов, Кан* 2013: 46). Редакторы недавно вышедшей тематической подборки *Fields* в журнале *Isis* обратили внимание на то, что исследователи

полевой работы в различных дисциплинах чаще всего фокусируются на периоде с конца XIX по середину XX в., на так наз. периоде становления (*formative period*). Выступая с позиций разных дисциплин, авторы статей подборки предприняли попытку проанализировать сдвиг, произошедший в полевых науках после середины XX в., связанный в том числе с переосмыслением новым поколением опыта пионеров полевой науки начала XX в. (*Brinitzer, Benson 2022: 109–110*). Так, один из авторов обращает внимание на опыт геологов и геоморфологов США, которые встретились с необходимостью осмыслить невозможность повторения героического опыта своих предшественников: «...на смену исследовательским путешествиям по спорным территориям пришли поездки на хорошо нанесенные на карту “поля”, ставшие доступными благодаря развивающейся инфраструктуре автострад и аэропортов» (*Benson 2022: 115*). Е. Бенсон обращает внимание на то, что юмор выступил средством осмысления изменившихся условий: в этих сатирических нарративах “полевая работа фигурировала как ценная традиция, которой грозит опасность быть погребенной лавиной бумажной работы” (*Ibid.*).

В контексте советской этнографии среди затрагивающих полевую работу перемен, произошедших к середине XX в., исследователи отмечают, например, появление типографских дневников для выезжающих в поле сотрудников Академии наук СССР и систематизацию процесса архивирования полевых материалов (*Арзютов, Кан 2013: 61*; об архивах этнографов см. также: *Арзютов, Данилина 2020*). Для иллюстрации этого “архивного сдвига” приведу в пример фрагменты постановления, принятого на заседании дирекции ИЭ в Москве 10 июня 1954 г. после доклада заместителя директора М.Г. Левина о состоянии научного и экспедиционного архива (копия постановления была отправлена в Ленинград): “...предложить всем зав. секторами проверить состояние полевых материалов экспедиций, обеспечить их сдачу в научный архив, предусмотреть в план-картах сотрудников время для приведения в порядок всех рукописных и иллюстративных материалов <...> предупредить, что в дальнейшем не будет допускаться участие в экспедиции в случае задержки сдачи в научный архив полевых материалов прошлых лет” (АМАЭ РАН: Д. 27. Л. 30–31). В последующем похожие формулировки будут звучать на заседаниях полевой комиссии ИЭ, которая, по воспоминаниям Ю.В. Ивановой (одной из ее председательниц), должна была помочь справиться «с веселой вольницей... вдохновенных “полевиков”» (*Иванова 2003: 52*). В этих фрагментах полевая работа и полученные в ходе нее материалы оказываются встроенными в логику институтской бюрократии, функционирование которой становится важным инструментом продолжения и обеспечения “жизни поля” до и после него.

Антрополог А. Райлз предлагает порассуждать о документах как артефактах современного знания, с которыми антропологам “приходится сталкиваться в современных условиях полевой работы” (*Riles 2006: 4*), и обратить внимание на то, что документы являются вместе с тем и “парадигматическими артефактами этнографического исследования” (*Ibid.: 6*). А. Райлз имеет в виду работу полевых исследователей, которые как создают свои документы (напр., полевые заметки и дневники), так и обращаются к архивам подобных документов других исследователей. Вместе с тем она предлагает обратить внимание и на то, как в ходе научной жизни ученые могут сами выступать в роли бюрократов и создавать соответствующие документы (*Ibid.: 7*). Рассматриваемые в статье материалы

являются результатом еще одного способа производства бюрократических документов, в котором советские ученые принимали участие опосредованно, когда их речь становилась объектом стенографирования и протоколирования.

Я предпринимаю попытку архивного поиска текстуализации полевой работы (как опыта и рассуждения о будущей возможности этого опыта) в бюрократических документах ИЭ. И если полевые материалы и дневники скорее являются документами “из поля”, то стенограмма Ученого совета является тем, чего в поле не было, и тем, что скорее связано с жизнью учреждения “вне поля”. Эти стенограммы позволяют увидеть полевую работу как только одну из частей научно-организационного цикла этнографического учреждения. Как будет показано ниже, установленной повесткой приводимых ниже заседаний не была полевая работа: обсуждается перспективный план, доклад о работе сектора и годовой отчет. Я предлагаю обратить внимание на то, как и в каких контекстах частью этих обсуждений становится полевая работа.

“Как я буду писать этническую антропологию Китая, если я туда не поеду?”

На заседании 28 марта 1960 г. Ученым советом ленинградской части ИЭ было заслушано сообщение о работе сектора Восточной и Южной Азии (сектор объединял сотрудников обеих частей ИЭ — московской и ленинградской), подготовленное его заведующим, профессором Н.Н. Чебоксаровым. Он стал руководить сектором после возвращения из продолжительной командировки в Китайскую Народную Республику (с сентября 1956 г. по декабрь 1958 г.), куда был приглашен для преподавания (Аксенова, Пестряков 2009: 110).

После представления общей информации о составе сектора и его специализации — “больше половины человечества или несколько меньше” (АМАЭ РАН: Д. 74. Л. 13) — Н.Н. Чебоксаров перешел к тому, что занимает “центральное место” в работе сектора, “как и в работе многих других секторов, если не всех”, а именно — подготовке многотомного издания “Народы мира” (Там же: Д. 74. Л. 14). В марте 1960 г., когда Н.Н. Чебоксаров делал доклад на Ученом совете, в работе у коллектива сектора находилось три тома серии “Народы мира”, которые должны были быть выпущены в течение периода семилетнего плана, — “Народы Индостана”, “Народы Юго-Восточной Азии” и “Народы Восточной Азии”; согласно плану, утвержденному Президиумом АН СССР, сдача в печать последнего из перечисленных томов была намечена на 1961 г. (Там же: Д. 74. Л. 14, 21).

Издание серии томов, изначально посвященное народам СССР, в итоге превратилось в глобальный проект, который должен был охватить все народы мира. Это иллюстрирует трансформацию «дисциплины, ориентированной внутри себя и интересующейся в основном “домашними” этническими группами, в дисциплину, ориентированную вовне и имеющую глобальную перспективу» (Алтов 2018: 32). Первым публичным упоминанием проекта по изданию уже расширенного проекта серии стало заявление директора ИЭ С.П. Толстова, сделанное в мае 1944 г. на заседании Отделения истории и философии АН СССР (Ibid.: 34). Завершить публикацию изначально десяти томного издания планировалось в трехлетний срок, что в результате оказалось не вполне реализуемым — это случилось только к 1966 г., когда из печати вышла последняя, восемнадцатая книга серии (Ibid.: 34). Д. Андерсон и Д.В. Арзютов рассмотрели, как в ходе многолетней работы этнографов над томом “Народы Сибири” происходило

формирование советской этнографии и, в частности, складывание канона текстуализации полевого опыта в процессе его многоступенчатого коллективного обсуждения (Anderson, Arzyutov 2016). Представленные далее дискуссии вокруг подготовки томов серии позволяют посмотреть на этот проект с точки зрения специалистов по зарубежным странам, которые реагировали на необходимость конкурировать с зарубежными (“буржуазными”) описаниями народов и невозможность обеспечения необходимого для этого масштаба экспедиций и командировок.

Значительная часть стенограммы марта 1960 г. посвящена различным текстам: например, упоминалась необходимость переработки и доработки отдельных разделов серии “Народы мира”, сроки предоставления рукописей в Ученый совет (а после утверждения на нем — в редакцию), долгосрочный издательский план сектора (кроме томов серии “Народы мира”) и его цели (напр., для молодых сотрудников необходимость публикаций объясняется невозможностью в противном случае защитить кандидатские диссертации). В стенограммах этого и других заседаний я обращаю внимание на переходы от обсуждения работы над текстами к обсуждению работы в поле и обратно. Стенограммы заседаний таким образом интересуют меня как контактная поверхность, документ здесь видится мне местом встречи “поля” и “текста”, и в этой встрече мне важна их внутри-документальная “сцепка” (или ее отсутствие)³. В отдельных случаях, как мне кажется, именно стенограмма строит мост между этнографически увиденным и этнографически написанным (пускай в реальности этот мост нередко отсутствовал).

В завершение своей речи в марте 1960 г. Н.Н. Чебоксаров переходит к тому, что является, по его словам, “большим местом в работе нашего сектора, как, пожалуй, и всех зарубежных секторов института”, а именно “организация связи со странами, которыми мы занимаемся” (АМАЭ РАН: Д. 74. Л. 30). Кроме книгообмена и обмена информацией речь шла об организации поездок в страны специализации сотрудников; в частности, Н.Н. Чебоксаров упомянул, что при составлении семилетнего плана “в качестве пожелания” были включены поездки “всех товарищей, которые в них нуждаются, а нуждаются все специалисты по Китаю, по Корее, Японии, по странам Индокитая, Индонезии, Филиппинам” (Там же: Д. 74. Л. 31). Упомянув в своем сообщении желательные поездки, Н.Н. Чебоксаров рассказал и об успешно совершающихся:

Многие товарищи из нашего сектора ведут и будут продолжать вести и дальше полевую работу среди народов Советского Союза. Совершенно правильна установка дирекции на то, чтобы все члены нашего коллектива, все этнографы, в том числе и зарубежники, овладели бы методикой этнографической работы (если не владеют) и желательно, чтобы имели в сфере своих интересов какую-то тему по народам Советского Союза. Лучше всего, если эта тема будет связана с народами Восточной или Южной Азии (Там же).

Заседание началось с обсуждения серии “Народы мира” и задач сектора по этому направлению; когда разговор о текстах был завершен, в качестве представления “больного места” речь зашла о том, что все специалисты сектора нуждаются в поездках в места специализации. Переходя от плановых текстов к поездкам,

Н.Н. Чебоксаров представляет сотрудников ИЭ не только как пишущих разделы для томов серии “Народы мира” и прочие тексты, но как сотрудников, которым желательно вести полевую работу. Однако важной деталью здесь является то, о какой полевой работе идет речь: не в месте специализации сотрудника, а среди народов Советского Союза. Поездка, к тому же, не поставлена ни в какую связь с каким-нибудь из плановых текстов. Упомянутый фрагмент, как мне кажется, можно интерпретировать как одновременный отрыв, с одной стороны, от нужного “поля” и от того, что предполагалось быть этнографически увиденным и было внесено в качестве пожелания в семилетний план (напр., поездка в Японию или Индонезию), и, с другой стороны, от планового “текста” (как томов серии “Народы мира”, так и индивидуальных монографий сотрудников). Мне кажется важным появление в тексте стенограммы идеи “поля” как такового, в частности проговаривание цели овладения методикой этнографической работы⁴. Следует отметить, что для ряда ученых проведение подобных полевых исследований на территории СССР (вместо недоступного зарубежного поля) стало не только возможностью овладеть методикой этнографической работы, но и привело в результате к приобретению дополнительной специальности и научным открытиям в ней⁵.

Первый вопрос к сообщению о работе сектора был задан африканистом Д.А. Ольдерогге и был посвящен проблеме организации экспедиций и замене недоступных, но соответствующих специализации полей на доступные, но не связанные со специализацией сотрудника:

Если говорить о плане работы сектора на семилетие, — то каковы основные задачи сектора? Какие научные проблемы будут стоять перед сектором на семилетие? Вы говорили, что называется, о текучке. Это очень интересно. Но разрешите уточнить: предполагаете ли вы какие-нибудь экспедиции в Китай, Индию, Индонезию? Что сделано и что делается теперь? Вы говорили, что широко оказываете помощь сектору Сибири. Это хорошо. Но нельзя ли было бы узнать, чем вы занимаетесь по своей специальности? Если бы я был на вашем месте, я бы старался загрузить всех своих сотрудников работой по своей специальности (АМАЭ РАН: Д. 74. Л. 34–35).

Отвечая на вопрос, Н.Н. Чебоксаров объяснил, как темы сотрудников сектора связаны с основными проблемами, над которыми планово работает ИЭ (кроме проблемы, которая включает в себя работу над серией “Народы мира”). Сектор планировал подготовить в течение семилетия два-три сборника, посвященных вопросам зарубежной современности — социалистическим преобразованиям и рождению нового образа жизни в Китае, Монголии, Корее и Вьетнаме. Коллективом сектора были сформулированы темы, которые предлагалось включить в семилетний план, были сделаны заявки на выезд в перечисленные страны. Однако, по словам Н.Н. Чебоксарова, темы по изучению зарубежной современности “отпали на разных инстанциях” (АМАЭ РАН: Д. 74. Л. 38) по причине нецелесообразности включения. Траектория попадания темы в семилетний план должна была быть следующей: сначала тема включается в годовой план как индивидуальная тема сотрудника, и только при условии ее выполнения она переходит в семилетний план.

Н.Н. Чебоксаров таким образом проговаривает буквально следующее: изучение зарубежной современности и подготовка двух-трех сборников (“текст”)

связаны с непосредственным выездом в страну (“поле”). Особняком вновь стоят тома серии “Народы мира”, включенные в семилетний план как “тексты”, у которых будто бы не предполагается обязательной связки с “полем”. Это интересное положение хорошо проговаривает сам Н.Н. Чебоксаров:

Когда эти томы встали перед нами (одни и те же люди должны были делать и то и другое), с одной стороны, защищаешь темы по изучению современности, которые обязательно предусматривают выезды в соответствующие страны, работу на местах, а с другой стороны, встречаешь возражение: “хорошо, а кто будет заниматься другими работами, прежде всего, подготовкой томов? Когда кончите тома, тогда и перейдете к ним” (Там же: Д. 74. Л. 39).

Тома серии “Народы мира” предстают в стенограмме как тексты, которые нужно закончить, чтобы перейти к другим темам по изучению современности, которые предполагают выезды (и уже далее другие “тексты”). Получается, что тома серии “Народы мира” выездов “по плану” как бы не предполагают. А индивидуальные темы сотрудников требуют выездов; в частности, Н.Н. Чебоксаров, планировавший продолжить заниматься своей индивидуальной темой, спрашивает: “Как я буду писать этническую антропологию Китая, если я туда не поеду?” (имеется в виду физическая антропология). Перед тем как задаться этим вопросом, Н.Н. Чебоксаров озвучил одну важную деталь институциональной жизни экспедиций института:

Если тема не включена в семилетний план, чрезвычайно трудно бороться за экспедицию за рубеж, за выезды за рубеж. Если бы она была включена в семилетний план, было бы несколько легче. Если она совсем не включена в семилетний план, а является индивидуальной темой сотрудника, то чрезвычайно трудно бороться за право туда ехать и работать по этим вопросам. Такое положение создалось. Положение трудное (Там же).

Таким образом, складывается будто бы безвыходная ситуация: успешная разработка сотрудником его индивидуальной темы (для ее включения в семилетний план) предполагает выезд за рубеж, однако “бороться” за эти выезды трудно, если индивидуальная тема сотрудника не включена в семилетний план. В этом, как кажется, замкнутом круге единственное, что остается — это подготовка томов “Народы мира”, а “что же касается изучения современности, то пока что предоставляется возможность участия в работе в нашем Союзе” (Там же: Д. 74. Л. 41).

Этот разговор о поле, который ведется в контексте невозможности совершить поездку, соответствующую специальности, формулирует тем не менее идею важности полевой работы как таковой, происходит кристаллизация фигуры “полевого” внутри этнографического института. В стенограмме речь идет о поездках, которые не связаны со специализацией сотрудника и темой поставленного в план текста. Здесь можно оттолкнуться от классической идеи об “этнографическом авторитете” (Clifford 1983) и поразмышлять о характере авторитета, подразумеваемого в этих фрагментах: не авторитетности текстов, подкрепленных полем, а авторитете выезда в поле в принципе, для приобретения этнографических навыков.

В тексте стенограммы соседствуют два типа “полей”: соответствующие специальности и дополнительные. Однако их сосуществование тогда было, скорее, предметом дискуссии. Эти поездки, как выразился индолог М.К. Кудрявцев, “не совсем то”:

В сообщении Николая Николаевича было некоторое противоречие. На вопрос Леонида Павловича Николай Николаевич ответил, что “мы стараемся заниматься современностью, но в полную меру, но занимаемся”. Оказывается, что это занятие современностью сводится в основном к поездке к калмыкам, дунганам, уйгурам. Предполагалась поездка Натальи Романовны к бурятам. Я думаю, что это не совсем то. Когда мы составляли семилетний план, я предложил Леониду Павловичу одну тему. Он высказал желание взять современную. Я взял эту тему: “Современная культура и быт кашмирцев”. Чтобы над такой темой работать, надо обеспечить условия. Если я поеду к бурятам и уйгурам, я не продвину свою тему по специальности (АМАЭ РАН: Д. 74. Л. 48–49).

С критикой поездок не в страны специализации также выступил Д.А. Ольдерогге. Однако, в отличие от М.К. Кудрявцева, его критика была связана с отрывом от работы по написанию томов серии “Народы мира” в случае выезда. Сотрудник, таким образом, предпочитает выписки по плановой теме в “кабинете” внеплановому “полю” в Сибири:

В связи с этим мне непонятно следующее. В ту минуту, когда нужно всю работу сектора подчинить изданию тома, ваши сотрудники разъезжают по Сибири. Великолепно, конечно! <...> Сотрудники ездят, изучают Урал. Все это хорошо и с этой точки зрения сектор Сибири не будет возражать. Я говорил это до отъезда. Сотрудники поехали вдохновленные. Я думаю, что сотрудник-индолог мог сидеть и делать выписки. А одновременно с этим вы говорите о необходимости набирать новых людей (Там же: Д. 74. Л. 53).

Попытку объяснить это противоречие сделал председатель заседания Л.П. Потапов, директор ленинградской части ИЭ. Он решил отразить “нападки на тех зарубежных, которые стали ездить на полевую практику в Советском Союзе” и отметил, что такие поездки рассматриваются как “приобретение учебных навыков в полевой работе” (Там же: Д. 74. Л. 56–57). Он вспоминал, как “сама молодежь настаивала на том, что их посылали именно из этих соображений. Они могут заняться и другим, но они будут заниматься этим не в ущерб своим планам. Мы выполним все свои плановые задания, — говорили они, — но пустите посмотреть поле” (Там же).

Сделать дополнительное внеплановое поле предлагалось в учебных целях. Как следует из текста стенограммы, главным условием являлось выполнение “плановых заданий” перед тем, как поехать “посмотреть поле”. В этой связи Г.Г. Стратанович замечал, что выезд в поле, не соответствующее специальности сотрудника, полезен для того, чтобы он мог “в случае зарубежных поездок быть на высоте”. Г.Г. Стратанович отмечает, что необходимо “биться за то, чтобы... товарищей посылали туда, куда им нужно по их прямой специальности”. Но в противном случае, “если уж никуда нельзя, то лучше давайте, поедem хоть

куда-нибудь, лишь бы поучиться работать у тех, кто может нас научить работать” (Там же: Д. 74. Л. 69).

Стенограмма заседания представляет нам различные конфигурации трех элементов научно-организационного цикла института: план, текст и поле. Важным мне кажется подчеркнуть то, что эти элементы скорее атомизированы, чем соединены: плановый текст, не предполагающий поле, недоступное поле “по специальности” и связанная с ним невозможность написать соответствующий текст, дополнительное внеплановое поле, не связанное со специальностью сотрудника. Что происходит с этой конфигурацией дальше?

“Вышел том по Южной Америке, — никто из авторов там не был”

С 30 июля по 6 августа 1960 г. в Париже проходил Шестой международный конгресс антропологических и этнографических наук. На заседании его Постоянного комитета было предложено созвать следующий конгресс в Москве в 1964 г. Согласно статье, опубликованной в журнале “Советская этнография” по следам Конгресса, это предложение “было встречено такой бурей аплодисментов, что было принято без обсуждения” (*Дебец и др.* 1961: 160).

Не останавливаясь в рамках этой статьи на истории подготовки и проведения конгресса (подробнее об этом см.: *Алымов* 2023б), я хотела бы отметить, что с лета 1960 г. это событие становится важным контекстом работы ИЭ: к осени 1960 г. научный коллектив был осведомлен о проведении следующего конгресса в Москве. И если через предыдущее обсуждение красной нитью проходила плановая подготовка томов серии “Народы мира”, то начиная с осени 1960 г. в стенограммах все чаще фигурирует намеченное на 1964 г. проведение МКАЭН.

4 октября 1960 г. проходило заседание Ученого совета ИЭ в Москве, которое было посвящено обсуждению плана на 1961 г. Утверждались сроки сдачи рукописей текстов в Ученый совет, общий издательский план, центральное место в котором вновь заняли тома серии “Народы мира”. Однако, в отличие от предыдущей стенограммы, здесь сотрудники обращают внимание дирекции на то, что успешное и своевременное написание томов непосредственно связано с заграничными поездками. В частности, С.А. Токарев говорит о том, что написание тома “Народы Западной Европы” находится “целиком в руках людей, которые сами, за очень немногими исключениями, нигде из этих стран не были и им придется писать целиком по книжным источникам, что скажется самым отрицательным образом на качестве работы” (АРАН 1: Л. 25). Он отдельно отмечает, что том, посвященный Западной Европе, “более ответственен, чем что-либо другое”, потому что “можно написать что-нибудь в томе, касающемся Австралии и Океании, а попробуйте что-нибудь наврать в отношении Франции, Италии, Англии и т.д., — этого нам не простят” (Там же).

Н.Н. Чебоксаров, который также присутствует на данном заседании, подчеркивает, что описанная С.А. Токаревым ситуация, в которой статьи для томов серии “поручены товарищам, которые, за отдельными исключениями, не бывали в тех странах и не видели тех народов, о которых они пишут”, справедлива для всех зарубежных секторов института, и что “это несомненно отрицательно отразится на подготовке тома” (Там же: Л. 34). Он отмечает, что, хотя некоторым из авторов статей для томов “Народы Восточной Азии” и “Народы Юго-Восточной Азии” удалось посетить страны, о которых они пишут (так, он приводит

в пример этнографа С.А. Арутюнова, который был в Японии и во Вьетнаме), “много глав и статей пишутся людьми, которые не были в соответствующих странах и которым, как нам представляется, следовало бы давно побывать в соответствующих странах” (Там же: Л. 35).

Н.Н. Чебоксаров и С.А. Токарев таким образом ставят в прямую зависимость написание “текстов” и посещение “поля”. Полевая работа важна не просто сама по себе: без нее не будет написан текст. И если в предыдущем разделе “текст” и “поле” были разобраны и не увязаны между собой, то здесь производство текста и успех коллектива ставятся в прямую зависимость с поездками: “...как и Сергей Александрович, я еще и еще раз призываю дирекцию и обращаюсь с самой настоятельной просьбой от имени всего коллектива продолжить борьбу за то, чтобы товарищи имели возможность собирать материал на месте. Иначе зарубежные секторы всегда будут отставать, они всегда будут на втором месте” (Там же: Л. 35–36).

Эта “сцепка” полевой работы и текстов, которую проговаривают Н.Н. Чебоксаров и С.А. Токарев, вступает в противоречие с издательским планом института, который синхронизируется теперь не только с тем, чтобы вписать окончание работ в семилетний план (т.е. издать тома до 1965 г.), но и с тем, чтобы закончить тома серии “Народы мира” перед тем, как принять МКАЭН. Это условие озвучил ученый секретарь ИЭ М.Г. Левин: “В 1964 году нам в Москве придется принимать Международное этнографическое и антропологическое сообщество. Следует принять все меры, чтобы к этому времени работа была завершена” (Там же: Л. 43).

И если Н.Н. Чебоксаров и С.А. Токарев, как было указано выше, проговаривают необходимость увязки “поля” и “текста”, выстраивая мост между этнографически увиденным и этнографически описанным, то М.Г. Левин вновь разводит этот мост между “полями” и “текстами”, в частности предупреждая:

...ни в коем случае нельзя ставить подготовку того или иного зарубежного тома в прямую связь с этим вопросом. Нельзя ставить вопрос так, что если это условие не будет выполнено, то том не будет готов. Нужно всегда иметь резерв своих сил и возможностей сделать это без заграничной поездки. В том, что это можно сделать, мы уже убедились: том “Передняя Азия” вышел и никакого конфуза, судя по откликам мировой прессы, нет. Вышел том по Южной Америке, — никто из авторов там не был. Вышел том по Северной Америке (Там же: Л. 46).

С одной стороны, стенограмма этого заседания хорошо иллюстрирует контекст приближающейся презентации достижений советской этнографической науки на международном уровне и то, что все тома серии должны быть закончены к этому моменту. С другой стороны, речь идет о производстве текстов без поля, в котором нет “никакого конфуза” для “мировой прессы”. Связка текста с планом оказывается прочнее и необходимее связки текста с полем; авторитет плана здесь выше авторитета поля. Сам М.Г. Левин в продолжении своей реплики допускает, что тома могли бы быть “более полноценными”, если бы сотрудники совершали соответствующие поездки, но “нельзя это ставить необходимым условием” (Там же: Л. 46).

В предыдущей стенограмме расхождение “наблюдаемого” и “описываемого” скорее только намечалось — как было отмечено выше, сотрудники обсуждали возможность выездов в дополнительные поля, если они не мешают работе по

плановому направлению; кроме этого, написание томов серии “Народы мира” не увязывалось с поездками. Здесь же отсутствие зависимости прямое: плановый текст может и должен быть подготовлен без поля.

“Люди не просто хотят прокатиться”

Фраза, вынесенная в подзаголовок этого раздела, является частью доклада Л.П. Потапова, который он зачитывал в рамках заседания, посвященного выполнению научно-исследовательского плана ленинградской частью ИЭ (проходило в декабре 1960 г. совместно с Бюро отделения исторических наук АН СССР⁶). В конце своего выступления Л.П. Потапов отметил, что недостатком, который “не ликвидируется” и “переходит из года в год”, является планирование, а именно – подготовки рукописей по утвержденным в плане темам. В частности, Л.П. Потапов говорит о планировании зарубежной работы:

Очень трудно планировать зарубежную работу. Берем актуальную тематику: современное состояние быта и культуры Кашмира. Мы включили в план такую тему не будучи очень уверенными – сможем ли посетить, а тема может быть выполнена на высоком уровне только если сможем послать туда человека, чтобы он писал не по книгам и не по газетам, а посмотрел бы сам. Тут имеются просчеты в планировании. И, учитывая специфику нашей работы, надо, Евгений Михайлович [Жуков], снисходительнее относиться к нашим просьбам. Люди не просто хотят прокатиться, а если мы принимаем эти темы, надо стараться облегчить эти поездки (АМАЭ РАН: Д. 74. Л. 190).

Это заседание, как и два других представленных выше, объединяет многое. В рамках дискуссии научные сотрудники также проговаривают необходимость зарубежных поездок, дополнительно отмечая, какими именно они должны быть. Так, речь идет о том, что одному из сотрудников удалось выехать в поле на три месяца, “но по характеру это не была та этнографическая поездка, которую должен был бы получить наш товарищ, который мог бы пожить с народом, беседовать с ним” (Там же: Л. 205). Актуальным остается упомянутый выше международный контекст: на этом заседании он представлен контрастом с “американскими учеными” в пересказе истории, случившейся с зарубежным коллегой на недавнем конгрессе востоковедов. Р.Ф. Итс обратил внимание на то, что “мы (советские этнографы. — Д.М.) боремся с неравным оружием”, и процитировал вопрос американских ученых одному из докладчиков:

Выступал проф. Паве(?) в США, он рассказывал об одном обряде. Американские ученые его спросили:

— Вам самому пришлось это наблюдать?

— Нет, по таким-то источникам!

А это не очень удобно! (Там же: Л. 207–208)

Последняя реплика, хотя и является оценкой опыта зарубежного коллеги, выражает мнение советского ученого, что “не очень удобно” докладывать на международном мероприятии о том, что не наблюдал самостоятельно. Похожие дискуссии подробно описаны С.С. Алымовым в контексте уже

упоминавшейся подготовки к проведению МКАЭН в Москве в 1964 г. (Алымов 2023б). Директор ИЭ С.П. Толстов говорил о мероприятии как о встрече двух научных центров (СССР и США), “между которыми широким кругам представителей мировой этнографической и антропологической науки, в первую очередь народам стран Азии, Африки и Латинской Америки, предстоит сделать выбор” (АРАН. Ф. 1826. Д. 12. Л. 4–5; цит. по: Алымов 2023б: 99–100).

В отношении представленных в этой статье жалоб и просьб уместно поставить вопрос о том, кто выступает их адресатом: к кому обращались участники заседаний и могли ли они быть услышаны? Процитированный в начале этого раздела статьи фрагмент доклада Л.П. Потапова содержит указание на конкретного адресата — Е.М. Жукова, который присутствовал на заседании и на тот момент занимал должность председателя Бюро отделения исторических наук. Сам Е.М. Жуков в заключительном слове говорит о необходимости решать проблему с зарубежными экспедициями в “наших высших инстанциях”:

К сожалению, наша богатая флотилия Академии Наук, которая плавает под флагом Академии Наук (а т. ... называет себя адмиралом!) находится в ведении отделения географических наук, туда больше попадают географы, потому что это считается “точной” наукой. Видимо, надо будет добиться преодоления этого средостения, добиться того, чтобы в экспедициях, которые посылаются в Индийский и Тихий океаны, чтобы в них участвовали не узкие специалисты-гидрологи, но и этнографы, экономисты и, может быть, историки. Я говорил об этом на общем собрании Академии Наук. Надо в эту точку бить и пробить ее. Это будет в наших общих интересах. Думаю, что тут нас поддержат наши высшие инстанции, которые дружески относятся к нам и понимают важность вопроса (АМАЭ РАН: Д. 74. Л. 216–217).

“Высшие инстанции”, полномочные решить вопрос отсутствующих поездов в зарубежные страны, на заседаниях Ученого совета ИЭ также отсутствуют, “присутствуя” только дискурсивно и являясь частью бюрократической риторики. Я продемонстрирую это на примере высказывания М.Г. Левина на заседании в Москве в октябре 1960 г., которое было рассмотрено в статье ранее. На этом заседании М.Г. Левин подвел итог: несмотря на то, что зарубежные командировки необходимы для написания томов серии “Народы мира”, следует “иметь резерв своих сил и возможностей” сделать это без зарубежной поездки. Тогда же он заметил, что дирекция ИЭ прилагает необходимые усилия для того, чтобы зарубежные поездки состоялись, однако:

...присутствующие здесь прекрасно понимают, что ни дирекция, ни Отделение в очень многих случаях эти вопросы не решают. Эти вопросы решаются значительно более сложно, так как поездки в зарубежные страны всегда связаны и с лимитами денежных средств, и с вопросом дипломатических отношений, с вопросом целесообразности поездки с политической точки зрения, вопросом о согласовании плана работ с академиями соответствующих стран социалистического лагеря. Все это довольно сложное и трудное дело. И присутствующий здесь Ю.И. Журавлев, “министр иностранных дел” нашего Института все это выслушал. Смею вас заверить, что все возможные меры будут приняты (АРАН 1: Л. 45).

Высказывания, подобные процитированному выше, являются скорее констативными, чем перформативными: апелляция к “высшим инстанциям” на этих заседаниях, наряду с пожеланиями осуществить зарубежные поездки и готовить рукописи на основе личных наблюдений, являются частью бюрократической риторики. Несмотря на невозможность наверняка оценить эффективность высказываний советских этнографов, можно обратить внимание на то, что проговаривается как часть этой бюрократической риторики (в формате констативных высказываний): значение полевой работы и ее место в научно-организационном цикле.

Анализ самих зарубежных поездок, совершенных в обозначенный период, и того, что в итоге способствовало их осуществлению, выходит за цели настоящей статьи. Тем не менее необходимо заметить, что такие поездки все же имели место, о чем можно судить по отчетам о зарубежных командировках сотрудников ИЭ. Значительную часть отчетов за рассматриваемый в статье период объединяет упоминание в целях поездки необходимости проведения различной работы по томам серии “Народы мира”. Приведу несколько примеров. Отчитываясь о поездке в Индию в апреле – мае 1961 г., Н.Р. Гусева описывала обсуждение программы своего приезда на месте, в Дели: «...попросила предоставить мне возможность посетить максимальное количество штатов, чтобы проверить материалы тома “Народы Индостана”, членом редколлегии которого я являюсь» (АРАН 2: Л. 13). В ноябре – декабре 1961 г. была также осуществлена поездка С.А. Токарева и Л.В. Покровской во Францию, для того чтобы «собрать свежий этнографический материал для проверки и дополнения текста раздела “Народы Франции” в подготавливаемом Институтом этнографии АН СССР томе “Народы Западной Европы”» (Там же: Л. 60). Следующий 1962 г. был также отмечен поездками в зарубежные страны в связи с работой по томам серии “Народы мира”. В отчете А.И. Мухлинова о поездке в Демократическую Республику Вьетнам в ноябре – декабре приведена программа работ во время научной командировки, первым пунктом которой значилось обсуждение с “вьетнамскими этнографами, историками и археологами” подготовленных им материалов для статьи “Народы Вьетнама” в том “Народы Юго-Восточной Азии” (АРАН 3: Л. 46). С этой же целью – работы над готовыми и запланированными разделами тома “Народы Юго-Восточной Азии” – в тот же год состоялась командировка Н.Н. Чебоксарова в Индонезию (Там же: Л. 108).

* * *

В этой статье я предприняла попытку показать, как опыт этнографов-зарубежников, которые в советское время сталкивались с невозможностью проведения полевых исследований, может быть учтен при написании истории полевой работы в советской этнографии. Ученых, различавшихся по доступности к своему полевому материалу, объединяла необходимость соответствовать отчетным и плановым ожиданиям ИЭ. Одним из таких плановых обязательств были “зарубежные тома” серии “Народы мира”, которые должны были быть написаны вне зависимости от доступности необходимых для этого экспедиций и командировок. Наблюдение дискуссии вокруг полевой недоступности и плановой необходимости становится возможным при рассмотрении управленческих документов ИЭ.

В анализируемых документах обсуждение полевой работы представлено репликами о пожеланиях этнографов и антропологов совершить конкретные поездки, которые необходимы для написания текстов, выполнения поставленной в план темы или более успешного и конкурентного участия в международных конгрессах. Эти элементы научной жизни используются в качестве аргумента при доказательстве необходимости осуществления поездок. Сами поездки в этих обсуждениях не являются чем-то естественным и безусловным: их значение и целесообразность проговариваются и доказываются. В большинстве случаев именно те сотрудники, которые были ограничены на момент обсуждения в доступе к странам своей специализации, проговаривают смысл и значение этих поездок для себя и для института. Этот дискурс был следствием недоступности поля, и по этой причине идентичные дискуссии могут не наблюдаться при обсуждении полевой работы внутри СССР. Как я продемонстрировала в этой статье, полевая работа наравне с другими элементами научной жизни советского этнографа является тем, что необходимо планировать и утверждать. Благодаря “бюрократической линзе” — точке зрения архива управленческой документации — становятся видимыми поездки, которые ставились в план, но не осуществлялись, и которые остались в “антропологическом архиве” как обращения в “высшие инстанции”, упомянутые Е.М. Жуковым.

Рассмотренный в статье материал открывает возможности выхода на более широкие контексты в истории советской этнографии. Можно обратить внимание на то, что даже в разговоре о самой возможности проведения полевых исследований советские этнографы в том числе озвучивают пожелания относительно этих поездок (напр., их длительности). Ожидания в отношении характера поездок находят отражение и в отчетах о зарубежных командировках, часть из которых упоминалась в предыдущем разделе. Например, в выводах отчета о месячной поездке во Вьетнам А.И. Мухлинов отмечал, что для глубокого изучения жизни народа “по крайней мере нужно проследить годовой цикл” (АРАН 3: Л. 74). В отчетах о поездках в связи с работами по томам “Народы мира” некоторые сотрудники отмечали, что необходимость редакторской работы или выполнения административных поручений мешала реализовать “полевой” потенциал поездки. Например, Л.В. Маркова писала о своей командировке в Болгарию: “...поездки в поле пришлось сильно сократить из-за работы по редактированию монографии” (АРАН 2: Л. 36). Эти ожидания в отношении возможных в будущем поездок (а также замечания в отношении поездок, в которые попасть удалось) уместно рассматривать в общем контексте представлений советских этнографов о полевой работе.

В порядке дискуссии советские этнографы формулируют проблему написания этнографических текстов, сравнивая возможности личных наблюдений и “книжных источников” (не в пользу последних). Эту дискуссию интересно сопоставить с закрепленными в учебниках и методических пособиях этого же периода утверждений о том, что “личные наблюдения” являются только одним из целого ряда доступных материалов при проведении этнографического исследования (Громов 1966; Токарев 1968). Например, С.А. Токарев отмечает, что по “личным наблюдениям” этнограф может узнать “лишь некоторые стороны жизни одного народа или нескольких немногих народов” (Токарев 1968: 11) и по этой причине он необходимо обращается к другим материалам — музейным экспонатам, архивным и опубликованным письменным источникам, литературе (автор называет это “чужими наблюдениями”). Представленный в настоящей статье

материал позволяет увидеть дискуссию о возможностях использования “чужих наблюдений” вместо или в качестве дополнения к “личным наблюдениям”, продолжение которой можно будет наблюдать и в дальнейшем⁷. В упоминаемом выше отчете о поездке в Индию Н.Р. Гусева поделилась испытанным во время поездки чувством неловкости, когда в ответ на вопрос интересующихся ее этнографическими работами о том, где и сколько она жила в Индии, ей приходилось отвечать, что она оказалась в этой стране впервые. Она завершает этот пункт отчета следующим выводом: “Нельзя рассчитывать на то, что наши публикации, если они не основаны на фактическом материале, будут пользоваться там авторитетом и иметь реальное пропагандистское значение (для советской науки — дописано синей ручкой. — Д.М.)” (АРАН 2: Л. 26).

Отсутствие полевой работы как непосредственного выезда не означало ее отсутствие как дискурса в институте. Это позволяет взглянуть иначе на изначальную “нехватку” полевой работы: она проявлялась, с одной стороны, в научной жизни советских специалистов по этнографии зарубежных стран; с другой — в практике обращавшихся к этим сюжетам историков антропологии. Именно недоступность поля при условии необходимости выполнить плановые обязательства создавала дискуссионное пространство, в котором советские этнографы озвучивали свои представления о значении полевой работы для своей науки и необходимые условия для написания этнографических текстов.

Примечания

¹ Стоит отметить, что в разных случаях участники заседаний использовали разные понятия и словосочетания: “заграничная поездка”, “сбор материала на месте”, “посмотреть поле”, “экспедиция за рубеж”, “выезды за рубеж”, “этнографическая работа” и, наконец, “полевая работа”. Изучение этого понятийного спектра заслуживает отдельной исследовательской работы. В рамках настоящей статьи я использую словосочетание “полевая работа” как зонтичный термин, который учитывает этот спектр и обозначает перемещение в пространстве с целью сбора материалов на конкретной местности в течение определенного временного отрезка.

² В текстах анализируемых стенограмм и других документах можно заметить употребление словосочетания “ученые-зарубежники” или просто “зарубежники” в отношении специалистов по этнографии и антропологии зарубежных стран. В семилетнем плане в рамках одной из проблем (“Вопросы этногенеза и формирования наций”) проводится разделение между народами СССР и зарубежными народами. К последним в тексте плана отнесены: народы Восточной и Южной Азии, народы Передней Азии, народы Африки, народы Америки, народы Океании, народы Центральной и Западной Европы (АМАЭ РАН: Д. 63. Л. 49–52).

³ Об идее смотреть на документ как на “контактную поверхность” и “место встречи” я узнала на докладе А.К. Касаткиной в рамках семинара “На хвосте у Левиафана: антропология бюрократии в современной России” в Европейском университете (16–17.12.2022), за что ей благодарна.

⁴ Узнать больше об упомянутой Н.Н. Чебоксаровым практике можно из других источников, например из отчета о научно-исследовательской работе ленинградской части ИЭ АН СССР за 1958 г.; в частности, в отчете о работе сектора Восточной Азии упоминается: “В текущем году ряд сотрудников сектора в целях повышения этнографической подготовки участвовали в этнографических экспедициях Института по Советскому Союзу: младший научный сотрудник С.А. Болдырева и младший научный сотрудник А.И. Мухлинов работали в Нижне-Тагильской экспедиции по изучению быта рабочих; младший научный сотрудник Р.Ф. Итс участвовал в составе кетского отряда Северной экспедиции” (АМАЭ РАН: Д. 56. Л. 8).

⁵ Можно привести в пример М.А. Членова. В 1960-е он провел длительное время в Индонезии в качестве переводчика, параллельно собирая этнографический, лингвистический и исторический материалы, однако, поступив в аспирантуру ИЭ АН СССР, ощутил необходимость приобрести профессиональный опыт работы в поле. В интервью С.С. Алымову

он вспоминал: “В Индонезию, как и во многие другие страны, меня перестали пускать, но огромная страна Советский Союз была к моим услугам”. В связи с проведением полевых исследований на территории СССР М.А. Членов связывает появление интереса к изучению систем родства. Он отмечает: “...начал с генеалогии ненцев, но чем могу более-менее похвастаться, так это тем, что мной составлена генеалогия практически всех существующих в России эскимосов” (Алымов 2023а). Этнограф В.Р. Кабо писал о том, что ввиду невозможности полевой работы в Австралии он решил “испытать свои силы” на территории СССР, отправившись на Сахалин в 1974 г. Свои полевые исследования он охарактеризовал так: “...мне удалось обнаружить у нивхов то, что не увидели ни Таксами, ни другие этнографы — мои предшественники: общинную структуру. И это подтвердило мою гипотезу — что община является универсальной социальной ячейкой общества, жизнь которого основана на присваивающем хозяйстве” (Кабо 2008: 241–242).

⁶ Бюро, согласно Уставу АН СССР 1959 г., “осуществляет научное и организационное руководство учреждениями, входящими в состав Отделения, а также руководство научной деятельностью соответствующих (по отраслям знаний) учреждений филиалов Академии наук СССР” (Устав 1975).

⁷ В архивных материалах можно найти примеры озвучивания этой сложности при обсуждении и утверждении к печати других рукописей. Например, в 1966 г. на заседании, посвященном обсуждению работы Н.А. Бутинова “Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство и общественный строй)”, автор отмечал, что кроме изучения по трудам зарубежных ученых самих папуасов ему “пришлось в дополнение к этому изучить и самих этих авторов, их взгляды, их выводы”, что “было необходимо, чтобы из трудов взять факты и истолковать их по-своему, но не брать готовых выводов”. В конце заседания Л.П. Потапов отметил “сложность положения” Н.А. Бутинова, которое связано с написанием работы только на литературном материале: “...другое дело, если бы вы сами там побывали, мы к вашему материалу относились бы с большим доверием” (АМАЭ РАН: Д. 141. Л. 55. Л. 100–101).

Источники и материалы

АМАЭ РАН — Архив Музея антропологии и этнографии РАН. Ф. К-I. Оп. 5.

АРАН 1 — Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1200.

АРАН 2 — Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 10. Д. 47.

АРАН 3 — Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 10. Д. 143.

Устав 1975 — Устав Академии наук Союза Советских Социалистических Республик // Уставы Академии наук / Отв. ред. Г.К. Скрябин. М., 1975. С. 150–164.

Научная литература

Аксянова Г.А., Пестряков А.П. Вклад Н.Н. Чебоксарова в антропологию: 100-летний юбилей ученого // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 100–114.

Алымов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнология за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Ред. Д.В. Арзютов, С.С. Алымов, Д.Дж. Андерсон. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–90.

Алымов С.С. Г.П. Снесарев и полевое изучение “религиозно-бытовых пережитков” // Этнографическое обозрение. 2013а. № 6. С. 69–88.

Алымов С.С. Экспедиция в первобытность: об одной нереализованной мечте советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013б. № 4. С. 88–94.

Алымов С.С. “Наш труд не пропал зря”: интервью с М.А. Членовым // Этнографическое обозрение. 2023а. № 5. С. 39–62. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050044>

- Алымов С.С.* VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве (1964) и трансформация советской этнографии в эпоху оттепели // Сибирские исторические исследования. 2023б. № 1. С. 96–127. <https://doi.org/10.17223/2312461X/39/5>
- Аржанцева И.А., Бутовская М.Л.* (отв. ред. и сост.) Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2015.
- Арзютов Д.В., Данилина Л.А.* Этнография этнографа: Андрей Григорьевич Данилин и его архивы // Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 274–325. <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/14>
- Арзютов Д.В., Кан С.А.* Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68.
- Батьянова Е.П.* Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17–34.
- Вахтин Н.Б.* Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участники // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 241–274.
- Власова И.В.* Экспедиционные были. Путевые воспоминания. М.: ИЭА РАН, 2014.
- Громов Г.Г.* Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966.
- Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Ольдерогге Д.А.* Шестой международный конгресс антропологов и этнографов // Советская этнография. 1961. № 1. С. 156–161.
- Елфимов А.Л. и др.* Размышления о судьбах науки // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 3–18.
- Иванова Ю.В.* Из истории Института этнографии (очень личные воспоминания) // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 43–53.
- Кабо В.Р.* Дорога в Австралию: воспоминания. М.: “Восточная литература” РАН, 2008.
- Комарова Г.А.* (отв. ред.) Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. М.: ИЭА РАН, 2008.
- Комарова Г.А.* (отв. ред.) Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. М.: ИЭА РАН, 2010.
- Комарова Г.А.* (отв. ред.) Антропология академической жизни: традиции и инновации. М.: ИЭА РАН, 2013.
- Кузнецов И.В.* “Последняя экспедиция” (из истории русско-американского сотрудничества в изучении коренных малочисленных народов) // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 53–69. <https://doi.org/10.7868/S0869541518030053>
- Кушнер П.И.* Об этнографическом изучении колхозного крестьянства // Советская этнография. 1952. № 1. С. 135–141.
- Михайлова Е.А.* Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2015.
- Пивнева Е.А.* (отв. ред. и сост.) Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Пименов В.В.* Подготовка профессионального этнографа: проблемы перестройки // Советская этнография. 1988. № 3. С. 65–71.
- Сирина А.А.* В.И. Иохельсон в Сибиряковской экспедиции (по материалам путевых записей 1895 г.) // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 76–93. <https://doi.org/10.31857/S086954150013598-7>

- Соколова З.П. Опыт моих полевых исследований, обработки и публикации полевых материалов (1956–2016 гг.) // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / Отв. ред. и сост. Е.А. Пивнева. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 77–97.
- Соколова З.П. Этнограф в поле. Западная Сибирь 1950–1980-е годы. Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М.: Наука, 2016.
- Ссорин-Чайков Н.В. От изобретения традиции к этнографии государства: Подкаменная Тунгуска, 1920-е годы // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 1. С. 7–44.
- Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–20.
- Токарев С.А. (ред.) Основы этнографии. М.: Высшая школа, 1968.
- Туторский А.В. Методы сбора и способы текстуализации полевого материала (на примере Северной экспедиции кафедры этнографии МГУ) // Кафедре этнологии исторического факультета МГУ – 70 лет. Сборник научных статей / Отв. ред. А.А. Никишенков. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 273–293.
- Шмелева М.Н. Полевая работа и изучение современности // Советская этнография. 1985. № 3. С. 43–51.
- Щепанская Т.Б. Мифологические персонажи в неформальном дискурсе “поля” // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 326–346.
- Щепанская Т.Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI (2). С. 165–178.
- Щепанская Т.Б. Символические репрезентации знания в неформальном дискурсе “поля” // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 100–141.
- Щепанская Т.Б. Поморский дневник Т.А. Бернштам: к методике и практике полевой этнографической работы // “Уведи меня, дорога”: сборник статей памяти Т.А. Бернштам / Под ред. Н.Е. Мазаловой, И.Ю. Винокуровой, В.А. Лапина, О.М. Фишман. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 7–16.
- Alymov S.S. World War II and the Cold War as a Context for Discipline Formation: The Case of Soviet Ethnography, 1940s – 1960s // In Search of Other Worlds: Essays towards a Cross-Regional History of Area Studies / Eds. K. Naumann, T. Loschke, S. Marung, M. Middell. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2018. P. 23–50.
- Anderson D.G., Arzyutov D.V. The Construction of Soviet Ethnography and “The Peoples of Siberia” // History and Anthropology. 2016. Vol. 27 (2). P. 183–209. <https://doi.org/10.1080/02757206.2016.1140159>
- Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Clarendon Press, 1962.
- Benson E. The Post-Heroic Field // Isis. 2022. Vol. 113 (1). P. 114–20. <https://doi.org/10.1086/718151>
- Bondarenko D.M., Korotaev A.V. In Search of a New Academic Profile // Educational Histories of European Social Anthropology / Eds. D. Dracklé, I.R. Edgar, T.K. Schippers. N.Y.: Berghahn Books, 2003. P. 230–246.
- Brinitzer C., Benson E. Introduction: What Is a Field? Transformations in Fields, Fieldwork, and Field Sciences since the Mid-Twentieth Century // Isis. 2022. Vol. 113 (1). P. 108–13. <https://doi.org/10.1086/718147>

- Clifford J. On Ethnographic Authority // *Representations*. 1983. No. 2. P. 118–146.
- Dragadze T. Fieldwork at Home: The USSR // *Anthropology at Home* / Ed. A. Jackson. L.: Tavistock Publications, 1987. P. 154–163.
- Elfmov A.L. Ethnographic Practices and Methods: Some Predicaments of Russian Anthropology // *Ethnographic Practice in the Present* / Eds. M. Melhuus, J.P. Mitchell, H. Wulff. Oxford: Berghahn Books, 2010. P. 95–106.
- Riles A. (ed.) *Documents: Artifacts of Modern Knowledge*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006.
- Ssorin-Chaikov N.V. Political Fieldwork, Ethnographic Exile and the State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia // *New History of Anthropology* / Ed. H. Kuklick. Oxford: Blackwell, 2008. P. 191–206.

Research Article

Moskvina, D.A. Fieldwork from the Perspective of Administrative Documentation of the Institute of Ethnography, Academy of Sciences of the USSR [Polevaia rabota s tochki zreniia upravlencheskoi dokumentatsii Instituta etnografii AN SSSR]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2025, no. 1, pp. 135–159. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010077> EDN: URNEEY ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Daria Moskvina | <https://orcid.org/0000-0003-3856-1009> | dmoskvina@hse.ru | HSE University – St. Petersburg (16 Soyuz Pechatnikov St., St. Petersburg, 190121, Russia)

Keywords

Soviet ethnography, fieldwork, history of anthropology, bureaucracy, Soviet science

Abstract

In this article, I consider the manner in which Soviet ethnographers responded to the combination of the difficulties in undertaking fieldwork and the need to meet the normative requirements and expectations of the Institute of Ethnography, Academy of Sciences of the USSR. The analysis will focus specifically on how ethnographers studying foreign countries worked on ethnographic texts, with a particular emphasis on the volumes of the “Peoples of the World” (*Narody mira*) series, during the period of the seven-year plan (1959–1965). I attempt an examination of fieldwork from the perspective of institutional bureaucracy, thus facilitating a reevaluation of the notion of “scarcity” of fieldwork and the articulation of its nuances. Indeed, the lack of fieldwork in the sense of actual trips and travels did not equate to its absence from the institutional discourse. I further wish to shift research attention from the archive of field materials and diaries to the archive of administrative documentation which, in my opinion, should be examined as painstakingly as fieldwork records in writing any history of fieldwork. Scrutinizing the transcripts of the meetings of the Academic Council of the Institute of Ethnography, I argue that these meetings provided an opportunity for Soviet ethnographers to discuss both the importance of fieldwork and the way ethnographic texts were to be written.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 22-18-00241]

References

- Aksianova, G.A., and A.P. Pestriakov. 2009. Vklad N.N. Cheboksarova v antropologii: 100-letnii yubilei uchenogo [N.N. Cheboksarov’s Contribution to Anthropology: 100th Anniversary of the Scholar]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 100–114.

- Alymov, S.S. 2013. Ekspeditsiia v pervobytnost': ob odnoi nerealizovannoi mechte sovetskoi etnografii [An Expedition to the Primitive: On an Unfulfilled Dream of Soviet Ethnography]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 88–94.
- Alymov, S.S. 2013. Snesev i polevoe izuchenie “religiozno-bytovykh perezhitkov” [G.P. Snesev and the Field Study of “Religious-and-Everyday Survivals”]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 69–88.
- Alymov, S.S. 2018. World War II and the Cold War as a Context for Discipline Formation: The Case of Soviet Ethnography, 1940s – 1960s. In *In Search of Other Worlds: Essays towards a Cross-Regional History of Area Studies*, edited by K. Naumann, T. Loschke, S. Marung, and M. Middell, 23–50. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.
- Alymov, S.S. 2023. “Nash trud ne propal zria”: interv'iu s M.A. Chlenovym [The “Efforts of Ours Were Not in Vain”: An Interview with M.A. Chlenov]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 39–62. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050044>
- Alymov, S.S. 2023. VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk v Moskve (1964) i transformatsiia sovetskoi etnografii v epokhu ottepeli [The VII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences and the Transformation of Soviet Ethnography during the Thaw]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 96–127. <https://doi.org/10.17223/2312461X/39/5>
- Alymov, S.S., and D.V. Arzyutov. 2014. Marksistskaia etnologiiia za sem' dnei: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh sotsial'nykh naukakh v 1920–1930-e gody [Marxist Ethnography in Seven Days: The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad and the Discussions in the Soviet Social Sciences in the 1920–1930s]. In *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.)* [From Classics to Marxism: The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad (5–11 April 1929)], edited by D.V. Arzyutov, S.S. Alymov, and D.G. Anderson, 21–90. St. Petersburg: MAE RAN.
- Anderson, D.G., and D.V. Arzyutov. 2016. The Construction of Soviet Ethnography and “The Peoples of Siberia”. *History and Anthropology* 27 (2): 183–209. <https://doi.org/10.1080/02757206.2016.1140159>
- Arzhantseva, I.A., and M.L. Butovskaya, eds. 2015. *Etnografiia polevoi zhizni: vospominaniia sotrudnikov IEA RAN* [Ethnography of Field Life: Memoirs of the IEA RAS Staff]. Moscow: IEA RAN.
- Arzyutov, D.V., and L.A. Danilina. 2020. Etnografiia etnografa: Andrei Grigor'evich Danilin i ego arkhivy [“Ethnography of an Ethnographer”: Andrei G. Danilin and His Archives]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 4: 274–325. <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/14>
- Arzyutov, D.V., and S.A. Kan. 2013. Kontseptsiiia polia i polevoi raboty v rannei sovetskoi etnografii [The Concept of the Field and Fieldwork in Early Soviet Ethnography]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 45–68.
- Austin, J.L. 1962. *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.
- Batyanova, E.P. 2013. Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii (1956–1991 gg.) [The North Expedition of the Institute of Ethnography (1956–1991)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 17–34.
- Benson, E. 2022. The Post-Heroic Field. *Isis* 113 (1): 114–20. <https://doi.org/10.1086/718151>
- Bondarenko, D.M., and A.V. Korotaev 2003. In Search of a New Academic Profile. In *Educational Histories of European Social Anthropology*, edited by D. Dracklé, I.R. Edgar, and T.K. Schippers, 230–246. New York: Berghahn Books.

- Brinitzer, C., and E. Benson. 2022. Introduction: What Is a Field? Transformations in Fields, Fieldwork, and Field Sciences since the Mid-Twentieth Century. *Isis* 113 (1): 108–13. <https://doi.org/10.1086/718147>
- Clifford, J. 1983. On Ethnographic Authority. *Representations* 2: 118–146.
- Debetz, G.F., M.G. Levin, and D.A. Olderogge. 1961. Shestoi mezhdunarodnyi kongress antropologov i etnografov [Sixth International Congress of Anthropologists and Ethnographers]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 156–161.
- Dragadze, T. 1987. Fieldwork at Home: The USSR. In *Anthropology at Home*, edited by A. Jackson, 154–163. London: Tavistock Publications.
- Elfimov, A.L. 2010. Ethnographic Practices and Methods: Some Predicaments of Russian Anthropology. In *Ethnographic Practice in the Present*, edited by M. Melhuus, J.P. Mitchell, and H. Wulff, 95–106. Oxford: Berghahn Books.
- Elfimov, A.L., et al. 1996. Razmyshleniia o sud'bakh nauki [Considering the Perspectives of a Science]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 3–18.
- Gromov, G.G. 1966. *Metodika etnograficheskikh ekspeditsii* [Methodology of Ethnographic Expeditions]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Ivanova, Y.V. 2003. Iz istorii Instituta etnografii (ochen' lichnye vospominaniia) [From the History of the Institute of Ethnography (Very Personal Recollections)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 43–53.
- Kabo, V.R. 2008. *Doroga v Avstraliu: vospominaniia* [The Road to Australia: Memoirs]. Moscow: "Vostochnaia literatura" RAN.
- Komarova, G.A., ed. 2008. *Antropologiia akademicheskoi zhizni: adaptatsionnye protsessy i adaptivnye strategii* [Anthropology of Academic Life: Adaptive Processes and Adaptive Strategies]. Moscow: IEA RAN.
- Komarova, G.A., ed. 2010. *Antropologiia akademicheskoi zhizni: mezhdistsiplinarnye issledovaniia* [Anthropology of Academic Life: Interdisciplinary Research]. Moscow: IEA RAN.
- Komarova, G.A., ed. 2013. *Antropologiia akademicheskoi zhizni: traditsii i innovatsii* [Anthropology of Academic Life: Traditions and Innovations]. Moscow: IEA RAN.
- Kushner, P.I. 1952. Ob etnograficheskom izuchenii kolkhoznogo krest'ianstva [On Ethnographic Study of Collective Farm Peasantry]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 135–141.
- Kuznetsov, I.V. 2018. "Posledniaia ekspeditsiia" (iz istorii russko-amerikanskogo sotrudnichestva v izuchenii korennykh malochislennykh narodov) ["Last Expedition" (From the History of US-Russian Collaboration in the Study of Indigenous Peoples)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 53–69. <https://doi.org/10.7868/S0869541518030053>
- Mikhailova, E.A. 2015. *Skitaniia Varvary Kuznetsovoi. Chukotskaia ekspeditsiia Varvary Grigor'evny Kuznetsovoi. 1948–1951 gg.* [Varvara Kuznetsova's Wanderings: The Chukchi Expedition of Varvara Kuznetsova, 1948–1951], edited by L.R. Pavlinskaia. St. Petersburg: MAE RAN.
- Pimenov, V.V. 1988. Podgotovka professional'nogo etnografa: problemy perestroiki [Training of the Professional Ethnographer: Problems of Perestroika]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 65–71.
- Pivneva, E.A., ed. 2017. *Pole kak zhizn': k 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN* [Field as Life: To the 60th Anniversary of the Northern Expedition of IEA RAS]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Riles, A., ed. *Documents: Artifacts of Modern Knowledge*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006.

- Shchepanskaia, T.B. 2003. Polevik: figura i deiatel'nost' etnografa v ekspeditsionnom fol'klore (opyty avtoetnografii) [Fieldworker: The Figure and Activity of the Ethnographer in Expeditionary Folklore (Experiments of Auto-ethnography)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* VI (2): 165–178.
- Shchepanskaia, T.B. 2006. Mifologicheskie personazhi v neformal'nom diskurse “polia” [Mythological Characters in the Informal Discourse of “The Field”]. *Antropologicheskii forum* 4: 326–346.
- Shchepanskaia, T.B. 2008. Simvolicheskie reprezentatsii znaniia v neformal'nom diskurse “polia” [Symbolic Representations of Knowledge in the Informal Discourse of the “Field”]. In *Antropologiya akademicheskoi zhizni: adaptatsionnye protsessy i adaptivnye strategii* [Anthropology of Academic Life: Adaptive Processes and Adaptive Strategies], edited by G.A. Komarova, 100–141. Moscow: IEA RAN.
- Shchepanskaia, T.B. 2010. Pomorskii dnevnik T.A. Bernshtam: k metodike i praktike polevoi etnograficheskoi raboty [The Pomor Diary of T.A. Bernshtam: Towards the Methodology and Practice of Field Ethnographic Work]. In *“Uvedi menia, doroga”: sbornik statei pamiati T.A. Bernshtam* [“Take Me Away, Road”: A Collection of Articles in Memory of T.A. Bernshtam], edited by N.E. Mazalova, I.Y. Vinokurova, V.A. Lapin, and O.M. Fishman, 7–16. St. Petersburg: MAE RAN.
- Shmeleva, M.N. 1985. Polevaia rabota i izuchenie sovremennosti [Fieldwork and Study of Contemporaneity]. *Sovetskaia etnografia* 3: 43–51.
- Sirina, A.A. 2021. V.I. Iokhelson v Sibiriakovskoi ekspeditsii (po materialam putevykh zapisei 1895 g.) [Waldemar Jochelson in the Sibiryakov Expedition (Drawn on the 1895 Field Diaries)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 76–93. <https://doi.org/10.31857/S086954150013598-7>
- Sokolova, Z.P. 2016. *Etnograf v pole. Zapadnaia Sibir' 1950–1980-e gody. Polevye materialy, nauchnye otchety i dokladnye zapiski* [Ethnographer in the Field, Western Siberia 1950–1980s: Field Materials, Scientific Reports and Memos]. Moscow: Nauka.
- Sokolova, Z.P. 2017. Opyt moikh polevykh issledovaniy, obrabotki i publikatsii polevykh materialov (1956–2016 gg.) [Experience of my Field Research, Processing and Publication of Field Materials (1956–2016)]. In *Pole kak zhizn': k 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN* [Field as Life: To the 60th Anniversary of the Northern Expedition of IEA RAS], edited by E.A. Pivneva, 77–97. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Ssorin-Chaikov, N.V. 2008. Political Fieldwork, Ethnographic Exile and the State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia. In *New History of Anthropology*, edited by H. Kuklick, 191–206. Oxford: Blackwell.
- Ssorin-Chaikov, N.V. 2011. Ot izobreteniiia traditsii k etnografii gosudarstva: Podkamennaia Tunguska, 1920-e gody [From the Invention of Tradition to the Ethnography of the State: Podkamennaya Tunguska, 1920s]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* 1: 7–44.
- Tishkov, V.A. 1992. Sovetskaia etnografiia: preodolenie krizisa [Soviet Ethnography: Overcoming the Crisis]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 5–20.
- Tokarev S.A., ed. 1968. *Osnovy etnografii* [Basics of Ethnography]. Moscow: Vysshaia shkola.

- Tutorskiy, A.V. 2010. Metody sbora i sposoby tekstualizatsii polevogo materiala (na primere Severnoi ekspeditsii kafedry etnografii MGU) [Methods of Collecting and Textualizing Field Material (on the Example of the Northern Expedition of the Department of Ethnography of Moscow State University)]. In *Kafedre etnologii istoricheskogo fakul'teta MGU – 70 let. Sbornik nauchnykh statei* [The Department of Ethnology of the History Faculty of Moscow State University Is 70 Years Old: Collection of Scientific Articles], edited by A.A. Nikishenkov, 273–293. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Vakhtin, N.B. 2005. Tikhookeanskaia ekspeditsiia Dzhesupa i ee russkie uchastniki [Jesup's Pacific Expedition and Its Russian Participants]. *Antropologicheskii forum* 2: 241–274.
- Vlasova, I.V. 2014. *Ekspeditsionnye byli. Putevye vospominaniia* [Expedition Stories: Travelling Memoirs]. Moscow: IEA RAN.